

НАЙО
МАРШ



Найо Марш (1895—1982) — ярчайшая звезда золотого века английского детектива, автор 32 романов и множества пьес. Ее имя стоит в одном ряду с такими признанными классиками жанра, как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс.

За свои литературные достижения она была удостоена звания дамы-командора ордена Британской империи.



ngaio
MARSH



.....

DIED IN THE WOOL

.....

НАЙО

МАРШ



.....
СМЕРТЬ
В ОВЕЧЬЕЙ ШЕРСТИ
.....



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М30

Серия «Золотой век английского детектива»

Ngaio Marsh

DIED IN THE WOOL

Перевод с английского *Н. С. Ломановой*

Компьютерный дизайн *Я. Е. Половцевой*

Серийное оформление *В. Е. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств

Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency.

Марш, Найо.

М30 Смерть в овечьей шерсти : [роман] / Найо Марш ;
[пер. с англ. Н. С. Ломановой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-098072-7

В тюке с овечьей шерстью обнаружено тело миллионерши Флоренс Рубрик. Инспектор Аллейн понимает: мотив есть у всех обитателей поместья Маунт-Мун. Но кто же убийца? Племянник, работающий над секретным проектом? Влюбленная в мужа Флоренс секретарша? Или сын управляющего поместьем, недавно обвиненный в краже? Чтобы разоблачить преступника, Аллейн задумывает рискованную комбинацию...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Ngaio Marsh Ltd, 1945

© Перевод. Н.С. Ломанова, 2013

ISBN 978-5-17-098072-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Флоренс Рубрик — владелица Маунт-Мун.

Артур Рубрик — ее муж.

Сэмюэль Джозеф — закупщик шерсти.

Альфред Кларк — кладовщик.

Родерик Аллейн — старший инспектор
криминальной полиции.

Фабиан Лосс — племянник Артура Рубрика.

Дуглас Грейс — племянник Флоренс Рубрик.

Урсула Харм — ее подопечная.

Теренс Линн — ее секретарь; позднее садовница
в Маунт-Мун.

Миссис Эйсворт — экономка.

Маркинс — слуга.

Томас Джонс — управляющий.

Миссис Джонс — его жена.

Клифф Джонс — их сын.

Бен Уилсон — сортировщик шерсти.

Джек Мерривезер — прессовщик.

Альберт Блэк — разнорабочий.

Перси Гоулд — повар стригалей.

Пролог

1939 ГОД

— Я миссис Рубрик из Маунт-Мун, — объявила блондинка. — И я хотела бы пройти.

Человек, стоявший у входа на помост, взглянул ей в лицо. Самым выдающимся в нем был бледный нос, усеянный веснушками, и такие же крапчатые глаза. Вместе они доминировали над всем остальным, несколько искажая впечатление от общего облика, не нарушая перспективу. Все остальное терялось на их фоне, выглядело весьма незначительно. Даже рот со слегка торчащими вперед зубами не мог соперничать с этим торжествующим носом и пронзительными глазами навыкате.

— Я хотела бы пройти, — повторила Флоренс Рубрик.

Человек оглянулся и посмотрел в зал.

— Там у стены есть свободные места. За лавками, где сидят закупщики.

— Мне это и без вас известно. Но я не собираюсь смотреть на их спины. Я хочу видеть их лица. Я миссис Рубрик из Маунт-Мун. Сейчас будут продавать мою шерсть, и я хочу сидеть где-нибудь здесь.

Она посмотрела на помост, где с высокой кафедры стрекотал, как пулемет, аукционист в рубашке с короткими рукавами.

— Вон там, — уточнила Флоренс Рубрик. —

На стуле рядом с этими картинками. Вот это будет в самый раз.

Она прошла мимо охранника.

— Здравствуйте, — приветствовала она следующего стража своим пронзительным голосом. — Не возражаете, если я пройду? Я миссис Артур Рубрик. Мне можно сесть?

Усевшись на стул, она стала пододвигать его вперед, пока не очутилась на авансцене, откуда открывался вид на зал. Стул был высокий, и миссис Рубрик явно не хватало роста — ее ноги едва доставали до пола. Помощники аукциониста, сидевшие у кафедры, удивленно оторвали глаза от своих бумаг.

— Лот один семь шесть, — скороговоркой произнес аукционист. — Маунт-Сильвер.

— Одиннадцать! — выкрикнул голос из зала.

Двое мужчин вскочили с мест и, вытянув руки, за вопили:

— Три!

Флосси расправила свои меха и с интересом взглянула в их сторону.

— Одиннадцать три, — произнес аукционист.

В передней части зала, перед сценой, рядами располагались столы, на которых красовались таблички с названием фирм. «Ван Хайз». «Братья Ривен». «Дюбуа». «Йен». «Штайнер». «Джеймс Огден». «Гарц». «Ормерод». «Родс». «Маркино». «Джеймс Барнет».

На летние торги шерстью сюда со всех концов света съехались мужчины в деловых костюмах из добрых шерстяных тканей. Их вид красноречиво говорил о национальной принадлежности, словно их специально подбирали для представительства. Закуп-

щик от Ван Хайза с круглой, словно выточенной из дерева головой, которую прикрывала мягкая шляпа. Представитель Дюбуа с прилизанными волосами и тонкими усиками, не скрывавшими глубоких складок, тянувшихся от ноздрей к уголкам рта. Старый Джимми Ормерод, который участвовал в торгах самолично, ревя, как жеребец, и багровея лицом. Гарц в роговых очках, издающий звуки, похожие на собачий лай, а также мистер Курата Кан от Маркино, повизгивающий фальцетом.

Каждый закупщик держал перед собой пачку листков с напечатанным текстом, и временами все они, словно хоровые певцы, дружно перевертывали страницы. Монотонный речитатив аукциониста был лишен каких-либо модуляций, и тем не менее покупатели, словно марионетки, которых дергают за ниточки, подчинялись его воле, то разом впадая в лихорадочное оживление, то погружаясь в нервически-напряженный ступор. Некоторые стояли неподвижно, держа листки перед глазами и ожидая какого-то определенного лота. Другие что-то писали за своими столами. Но все они обладали доведенной до совершенства способностью моментально переходить от настороженного оцепенения к хищной и шумной активности. Многие беспрерывно курили, и Флоренс Рубрик с трудом различала их лица за облачками голубого табачного дыма.

В дверных проемах и под галереей толпились мужчины, чьи руки и лица были обожжены солнцем и изрезаны морщинами, а одежда выдавала в них сельских жителей, выбравшихся в город. Это были овчары, арендаторы, фермеры из окрестностей. От того, как поведут себя закупщики, зависело их существование.

10

вание в следующие двенадцать месяцев. Торги подводили итог всему году. Долгие скитания по пастищам, ночи, проведенные в крошечных хижинах на склонах гор, запоздалый снег, засыпающий загоны, где ягнятся овцы, шумные ритуалы мытья и стрижки овец, перевозка тюков с шерстью — все заканчивалось здесь коротким и окончательным вердиктом.

У входа в зал Флоренс заметила своего мужа, Артура Рубрика, и отчаянно замахала рукой. Мужчины, стоявшие рядом с Артуром, указали ему на нее. Он нерешительно кивнул и стал пробираться к ней по боковому проходу. Когда он приблизился к помосту, она радостно воскликнула:

— Видишь, куда я забралась! Давай скорей сюда!

Он без особого энтузиазма последовал приглашению.

— Что ты тут делаешь, Флосси? Ты должна сидеть внизу.

— Внизу меня не устраивает.

— Но на тебя все смотрят.

— А мне плевать, — громко заявила миссис Рубрик. — Когда он дойдет до нас, дорогой? Покажи мне.

— Тсс! — недовольно прошипел ее муж, вручая ей свой каталог.

Поиграв лорнетом, Флоренс эффектно вскинула руку в белой перчатке и стала изучать каталог. В зале затрепетали белые листки.

— Сейчас наша очередь, — сказала она, переворачивая страницу. — Ну, где же мы?

Ее супруг дернул головой и что-то промычал.

— Лот один восемьдесят, — объявил аукционист.

— Тринадцать.

— С половиной! — заорал стариk Ормерод.

— Четырнадцать! — Это очкастый мистер Курата Кан, вскочив, на долю секунды опередил Ормерода.

— Потолок! — пронзительно закричала миссис Рубрик. — Потолок! Правда, дорогой? Нам дали самую большую цену, верно? Этот чудный маленький япончик!

По залу прокатился смех. Аукционист усмехнулся. Охранники, стоявшие у входа на сцену, затряслись, прикрывая рты руками. Синюшное лицо Артура Рубрика приобрело фиолетовый оттенок.

Сложив руки в белых перчатках, его жена взъяренно поднялась со стула.

— Какой милый. Артур, ну разве он не прелесть?

— Флосси, ради всего святого, — пробормотал Артур Рубрик.

Однако миссис Рубрик столь энергично кивала в сторону мистера Кураты Кана, что он наконец обратил на нее внимание. Сощурившись и обнажив в улыбке длинные зубы, японец церемонно поклонился.

— Вот видишь! — торжествующе произнесла Флоренс, направляясь к выходу со сцены. — Ну разве это не замечательно?

Растерянный муж вывел ее на узкий двор.

— Мне кажется, ты привлекаешь к себе слишком много внимания, дорогая. Машешь этому японцу. Мы же с ним не знакомы.

— Да, не знакомы, — повысила голос Флосси. — Но обязательно познакомимся. Ты пригласишь его на уик-энд к нам в Маунт-Мун.

— О нет, Флосси. К чему это? Зачем?

12

— Я всегда считала, что нужно поддерживать с людьми дружеские отношения. К тому же он дал за мою шерсть отличную цену. Сразу видно разумного человека. Я хочу узнать его поближе.

— Эти типы только и умеют, что скалить зубы. Не люблю я их, Флосс. Продадут не моргнув глазом. Они наши естественные враги.

— Дорогой, у тебя абсолютно допотопные взгляды. Еще немного, и ты заговоришь о желтой угрозе.

Она вскинула голову, на лоб ей упала крашеная золотая прядь.

— Не забывай, что у нас на дворе тысяча девятьсот тридцать девятый год.

1942 ГОД

Летним февральским днем 1942 года мистер Сэмми Джозеф, закупщик шерсти Текстильной мануфактуры братьев Ривен, проходил по складу фирмы в сопровождении кладовщика. Оконные стекла в помещении были закрашены черной краской, и кладовщик включил единственную лампочку под потолком. Она высветила несколько прямоугольных, затянутых в дерюгу тюков. Все остальное тонуло в полумраке. Лампочка висела довольно высоко и была покрыта толстым слоем пыли. В ее свете лица мужчин выглядели безжизненными и какими-то по-тусклоронними. Голоса их звучали глухо, словно они вязли в шерсти. Было душно и пахло мешковиной.

— С каких это пор мы покупаем шерсть с дохлых овец, мистер Джозеф? — спросил кладовщик.

— Сроду такой не покупали, — отрезал Джозеф. — О чем ты говоришь?

— Там у дальней стенки есть такой тюк.
— Только не на этом складе.
— Бьюсь об заклад.
— Какая муха тебя укусила? С чего ты решил, что она с мертвых овец?

— Да бросьте, мистер Джозеф, я на этом деле собаку съел. Такую шерсть за милючую. Она ведь воняет.

— Ну и где же этот тюк?

— Пойдемте посмотрим.

Они пошли дальше по проходу между тюками шерсти. По ходу кладовщик включал все новые лампочки, стараясь осветить путь. У последнего тюка он остановился.

— Вы только нюхните, мистер Джозеф.

Сэмми Джозеф наклонился над тюком. Его тень упала на мешковину с буквенной маркировкой и изображением полумесяца.

— Это шерсть из Маунт-Мун, — определил он.

— Знаю, — заметно нервничая, ответил кладовщик. — Ведь воняет, правда?

— Да, действительно, — подтвердил Джозеф.

— Шерсть с дохлятины.

— Никогда в жизни такой не покупал. Тем более из Маунт-Мун. А после стрижки запах мертвый шерсти вообще исчезает. Ты это знаешь не хуже меня. Похоже, это дохлая крыса. Ты не посмотрел?

— Посмотрел, мистер Джозеф. На днях отодвигал этот тюк. Воняет изнутри. Это точно.

— Вспори-ка его, — скомандовал мистер Джозеф.

Открыв складной нож, кладовщик воткнул его в тюк. Сэмми Джозеф молча наблюдал за ним. Тишина нарушили лишь тяжелые вздохи стропил у них над головой.

14

— Ну и жара здесь, — сказал Сэмми Джозеф. — Это все северо-восточный надувает. Ненавижу это пекло.

— Да, тяжко, — отозвался кладовщик.

Он стал с треском разрезать мешковину. Из прорехи полезла белая шерсть.

— Задохнешься тут совсем, — проворчал кладовщик выпрямляясь. — Так ишибает. Идите понюхайте.

— Спасибо, я и отсюда чувствую. Не пойму, в чем дело. В этом тюке не должно быть шерсти с брюха. Она, конечно, попахивает, но не так же. — Он открыл портсигар: — Закуришь?

— Да, пожалуй, мистер Джозеф. Ну и запашок.

— Он и вправду идет изнутри. Наверно, они на прессе туда что-то закатали. Может, крысу.

— Хотите достать ее?

— Давай-ка вытащим оттуда шерсть. — Мистер Джозеф взглянул на свой чистенький костюм. — Ты в спецовке, вот и давай.

Кладовщик потянул за шерсть.

— Один момент, мистер Джозеф. Они его здорово набили. — И он пошел к стене.

Сэмми Джозеф протянул было руку к дыре, но потом передумал.

Кладовщик вернулся с железным крюком, которым подцепляют тюки. На правой руке у него была длинная рукавица. Запустив крюк в дыру, он стал вытягивать из тюка шерсть и тихонько присвистнул.

— В одном вы правы, сэр. Это и впрямь не мертвая шерсть.

Мистер Джозеф поднял с пола клок шерсти и, взглянув на него, бросил обратно. Отвернувшись, он вытер руку о тюк.

— Не нравится мне все это. Чертова вонь.
Что с тобой, черт подери?

15

Кладовщик энергично и грязно выругался. Джозеф посмотрел на него. Рука в рукавице совсем исчезла внутри тюка. Кладовщик повернул голову. Джозеф увидел вытаращенные глаза и широко открытый рот.

— Я там чего-то нашупал.

— Крюком?

Кладовщик кивнул.

— Все, хватит с меня, — громко сказал он.

— Что случилось?

— Больше туда не полезу.

— Но почему, черт возьми?

— Это шерсть из Маунт-Мун.

— Знаю. Ну и что?

— Вы разве газет не читаете?

Сэмми Джозеф изменился в лице:

— Ты с ума сошел. Господи, да ты просто ненормальный.

— Три недели прошло, а ее так и не нашли. Я же был на войне. Теперь понял, что мне напоминает этот запах. Фландири!

— Иди ты к черту, — решительно заявил мистер Джозеф. — Ты вообще где находишься? Что за концерт ты тут устраиваешь?

Кладовщик вытащил руку из тюка. К рукавице прилипли пряди шерсти. Резким движением он сдернул ее с руки, и она упала на пол — мокрая и бурая.

— Ты оставил крюк внутри.

— К... крюк.

— Достань его, Альф!

— ...!